

Орфографическое наследие XVIII века

С. В. НАУМЕНКО
Канск (К 270-летию со дня рождения В. П. Светова)

В статье рассматривается орфографическая деятельность В. П. Светова и его «Опыт нового русского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей», который был одним из образцовых орфографических изданий XVIII в. Устанавливаются новаторские аспекты работы, позиция автора в полемике о ведущем начале правописания и «лишних» буквах, оценка «Опыта» А. П. Сумароковым, А. Барсовым, Я. К. Гротом и М. И. Сухомлиновым, влияние на рекомендации В. П. Светова грамматики М. В. Ломоносова. Орфографические постулаты В. П. Светова анализируются в контексте особенностей орфографической практики второй половины XVIII в.

Ключевые слова: *орфографическая ситуация XVIII в.; вопрос о ведущем принципе орфографии; «лишние» буквы; деятельность В. П. Светова; руководство «Опыт нового русского правописания»; оценки современников; установки В. П. Светова и погрешности правописания; единообразие и унификация письма.*

История русского правописания представляет собой сложный путь унификации и усовершенствования орфографических норм. Отправной точкой создания теории письма становится XVIII век — время формирования «норм русского литературного языка на национальной основе» [Григорьева 1996: 5]. Знаковый характер для русского правописания имели Петровская реформа азбуки (1708–1710), орфографические наставления В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, грамматики В. Е. Адодурова и М. В. Ломоносова.

Особое место в орфографическом наследии XVIII в. принадлежит «Опыту нового русского правописания, утвержденному на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских

писателей» В. П. Светова (1773, СПб.; 2-е изд. 1787). Этот труд явился сводом правил русского, а не церковнославянского, или «славено-русского», правописания. В «Опыте» нашли отражение не только все ключевые аспекты орфографической полемики XVIII в., но и «разрушение прежней системы письменного двуязычия» [Винокур 1959: 114]. Это объясняет использование В. П. Световым определенных «*новое русское правописание*» и «*новороссийский язык*» («тот, коим ныне говорят и пишут грамотные россияне»).

Василий Прокофьевич Светов (1744–1783) родился в Петербурге в семье унтер-офицера. После успешного окончания гимназии, где он «учился изрядно и прилежно, показал хорошие успехи в классах: верхнем российском, катехизическом и географическом», в 1764 г. он был зачислен в студенты академического университета [Сухомлинов 1878: 298]. Всего через год Академия наук принима-

Науменко Светлана Васильевна, кандидат филол. наук, доцент, зам. директора КГОАУ СПО «Канский педагогический колледж». E-mail: rghsvnaum@mail.ru

ет решение отправить В. П. Светова как «любопытного и прилежного студента», способного «слушать в иностранных университетах лекции, читаемые на латинском и на немецком языках», на несколько лет в Геттингенский университет «для довершения своего научного образования» [Там же: 299].

После возвращения В. П. Светов получил должности преподавателя академической гимназии, где учился когда-то сам, и переводчика, которые и занимал в течение всей своей жизни. Будучи одним из образованнейших людей своей эпохи, он также принимал деятельное участие в работе комиссии о народных училищах, созданной Екатериной II в 1782 г. для организации в России системы общедоступного народного образования.

Научные и педагогические заслуги В. П. Светова «сделали его имя известным в кругу людей образованных, следивших за движением литературы и учебного дела в России» [Там же: 321]. Переводы «Известий о славянах византийских историков» Штриттера, «О положении Германии» Тацита, «Начертания истории главнейших государств Европы» Ахенвалля и «Османского государства в Европе» из политической географии Бюшинга сыграют важную роль в становлении русской исторической школы. Интересными были и филологические разыскания В. П. Светова, где, по мнению Я. К. Грота, обнаруживается «редкое для того времени понимание законов языка, так что в истории русского слова и письма нельзя забывать Светова» [Грот 1899: 647].

Орфографические постулаты «Опыта нового русского правописания», который считался «в свое время образцовым», получили развитие в «Таблицах о познании букв, складах, о чтении и о правописании» (СПб., 1783) и «Кратких правилах к изучению языка русского с присовокуплением кратких правил российской поэзии» (СПб., 1790; 2-е изд. – 1795), созданных уже по поручению комиссии о народных училищах [Сухомлинов 1878: 307]. Таблицы В. П. Светова были представлены для рассмотрения Екатерине II и удостоились ее высокой награды.

Поводом к появлению «Опыта нового русского правописания» стали противоречия и колебания в русском правописании второй половины XVIII в., которое было «подвержено многим изъятиям, великим несогласиям, сомнениям и трудностям, так что каждый почти писатель или переводчик отличен чем-нибудь в правописании от другого», а это происходило «или от незнания грамматических правил и недовольного чтения хороших книг, или от своенравия и упрямства» [Светов 1787: 7].

В обращении к читателю В. П. Светов предупреждает, что его опыт произведен в свет не с охоты противоречить безо всякого основания другим, вводя в письмо необыкновенные и с природою языка... несвойственные новости» [Там же: 3]. Его «намерение состоит единственно в том, чтобы несогласующихся содружить, неосновательные и странные безобразия исправить или совсем из письма истребить... определить неперемненные твердые правила» [Там же: 8].

Обосновывая необходимость единой регламентации правописания, В. П. Светов с упреком указывает на старинные русские документы, которые «ни по каким правилам, но по произволению каждого писца писаны» [Там же: 7]. Важным условием для преодоления «закоренелой к неправоу писма» привычки считает он и создание орфографических справочников, сожалея, что до сих пор нет еще «исправного и полного словаря, где можно было о правописании слов справляться» [Там же: 4, 7]. Напомним, что первый «Словарь российской орфографии, или правописания» (16 страниц) выйдет в 1813 г. (см.: [Обзор предложений 1965: 458]).

Правила правописания, по мнению В. П. Светова, должны основываться не только на грамматике, но и учитывать реальный письменный узус – «лучшие примеры писателей», поскольку «не язык от грамматики, но грамматика начало свое имеет от оногo, то она должна содержать в себе правила, употреблению и свойству языка не противные» [Там же: 7].

Работая над «Опытом», В. П. Светов следовал «по большей части российской

грамматике М. В. Ломоносова», создавая «среднее между старинным и нынешним правописанием, которое от прежнего в первой половине 18-го века во употреблении бывшего знатную отмену имеет» [Там же: 3]. Вслед за М. В. Ломоносовым, он выбирает в правописании компромисс фонетического и словопроизводственного начал: «во словах производных надобно осторожно удерживать правописание первообразных их... Однако же в сем должно смотреть, чтоб не отойти далеко от чистого и обыкновенного выговора, и чтоб не чересчур явны были следы произвождения и сложения речений» [Там же: 16] (в изд.: *чрезъ чурь*. – С. Н.). В. П. Светов иллюстрирует это такими примерами: «Следующие слова надлежит писать так: *дубъ, овца, низкій, легкій, близкій, свадьба, вылазка, отвезть, ногти, книжка, кругъ, водка, заводъ, мужъ* и проч., несмотря на то, что *б* как *п*, *в* как *ф*, *г* как *к* или как *х*, *д* как *т*, *ж* как *ш*, *з* как *с* выговаривается; ибо в именах и глаголах по косвенным падежам и произвождению, где непременно следует самогласная буква, ясно от твердых распознаются, напр. *дубъ, дуба, дубовый; овца, овечка; пронизки, низку, низать; легкій, легокъ, легость, свадьба, свадебный...*» [Там же: 15]; но «не должно писать: *нужднй* вм. *нужный*; *обвозъ* вм. *обозъ*; *обвязанъ* вм. *обязанъ*; *одиннадесять* вм. *одиннацать...*» [Там же: 16].

«Опыт» отличает системный взгляд на письмо, поэтому он включает в себя главы, связанные не только с орфографией («О правописании вообще», «Особливыя правила»), но и с графикой («О буквах», «О разности букв»), правилами переноса («О складах») и пунктуации («О строчных препинаниях»). Отметим, что такая новаторская для того времени структура «Опыта» отсылает нас к содержанию академических проектов сводов орфографических и пунктуационных правил, созданных уже в XX в. В связи с этим представляется любопытным замечание Я. К. Грота об орфографических работах А. П. Сумарокова, где он «со свойственным ему задором, безо всякого систематического порядка повторяет

одно и то же, предлагает то правила, не выдерживающие никакой критики, то весьма разумные замечания» (разр. моя. – С. Н.) [Грот 1899: 647]. Завершает его работу «Ключ к правописанию российскому» с указанием страниц, позволяющий быстро найти нужные орфографические рекомендации для конкретного случая. Здесь насчитывается 92 отсылки к 46 параграфам основного текста, содержащим развернутый орфографический комментарий и рекомендации. Подобным образом составлен, например, и «Ключ писцу, любящему российскую правопись» в «Письмовнике» Н. Курганова (5-е изд. – 1769), но там находим лишь 38 отсылок.

Заметим, что глава 5 «О правописании» в грамматике М. В. Ломоносова, взятая В. П. Световым за основу, включает 17 параграфов орфографического материала, а в «Российской грамматике» А. Барсова (1783–1788), которому комиссия о народных училищах передала рукописи В. П. Светова для продолжения работы после смерти последнего, в раздел «Правописание» вошло 27 параграфов (московский список рукописи). Поэтому «Опыт» В. П. Светова следует рассматривать как одно из наиболее полных кодификационных изданий второй половины XVIII столетия. Новаторский характер «Опыта» заключается также и в том, что это издание посвящено только вопросам письма, тогда как даже в первой половине XIX столетия разработка теоретических вопросов правописания обычно осуществлялось в рамках грамматических трудов общего характера, а не самостоятельных работ.

В. П. Светов проводит четкую грань между низким и высоким слогом, придерживаясь, в основном, стилистических установок М. В. Ломоносова. Так, он размышляет о непоследовательности орфографии окончаний прилагательных (*какой / какйй человекъ*): «имена прилагательные кончатся разными писателями разными образы... Которое окончание из сих правее, в том не можно согласиться, ибо обоих употребление в российском языке необходимо нужно кажется. <...> Кажется, что в высоком слоге высокия

особливо слова лучше кончить на *ый* и на *ий*, оставив окончани *ой* и *ей* просторечию и низкому, каков комической, роду сочинения» [Светов 1787: 17]. Этого правила, по наблюдениям Я. К. Грота, строго придерживался, например, Карамзин, «употребляя то или другое окончание, смотря по предмету» [Грот 1899: 651].

Неопределенные формы глагола автор «Опыта» рекомендует «кончить на *ти...* в высоких речах; и чем ближе глагол славенскому свойству подходит, тем сие окончание слуху приятнее становится, на пример (так в изд. – С.Н.): *вѣщати, глаголати, низсылати*» [Светов 1787: 26]. «Согласно с этим поступал даже Козицкий», издатель популярного сатирического журнала «Всякая всячина» и секретарь Екатерины II [Грот 1899: 651]. В творительном падеже существительных «продолжительная выходка голоса дает украшение словам... говорится и пишется: *плотью уснувь, вѣрою и любовію*; однако *пылію засыпань, жестію обить* странно и слуху противно; говорим *пылью засыпань, жестію обить*» [Светов 1787: 21].

Безусловно, «следуя по пути, проложенному Ломоносовым», В. П. Светов «не ограничивался заимствованием из богатого источника, а работал самостоятельно, вникал в свойство русского языка, ревностно изучал русских писателей и выводы свои основывал на точных наблюдениях» [Сухомлинов 1878: 316]. Так, вопреки М. В. Ломоносову, он предлагает у существительных родительного и предложного падежей окончание «у вместо *a* и *ѣ* оставить должно просторечию и комическому слогу; важный род сочинения оног отнюдь не терпит. Пишем *число песка морскаго*, а говорим *насыпать песку*; пишем *в прошломъ годѣ*, говорим *въ прошломъ году*» [Светов 1787: 25]. В. П. Светов заметил, что решение ограничиться в этих падежах только флексией *у* М. В. Ломоносов принял «единственно от простого и обыкновеннаго выговора» [Там же].

Не согласился автор «Опыта» и с исключением М. В. Ломоносовым буквы *щ*: «Хотя буква *Щ* у сочинителя российской грамматики и исключена из алфавита, однако употребление ее в причастиях насто-

ящих действительного залога велит ее с прочими российскими буквами ставить». Признавая, что «ШЧ; СЧ; ЖЧ, ЗЧ одинакой почти с нею имеет выговор, но одну вместо другой употреблять» без разбору не надлежит». Так, он предлагает писать *счастіе, счастливъ, счетъ, исчахнуть, исчезаю, но щавель, щебень, щекотать, снѣдающій, пожирающій* [Там же: 12–13].

Также, в отличие от М. В. Ломоносова, он сохраняет в русской азбуке буквы *ѳ* и *і*. В тексте ломоносовской грамматики в данном случае обнаруживается некоторая несогласованность его орфографических постулатов и практики. Мы находим там причастные формы с *щ* и *і*: *предѣдующею, кончащихся, послѣдующія, въ чтеніи, начертаніи, снесеніе* и т. д. Следует отметить, что тексты В. П. Светова, наоборот, отличает нехарактерная для XVIII в. последовательность правописания не только внутри одного источника, но и разных тоже. Непостоянство орфографической практики М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова и Н. М. Карамзина указывали Я. К. Грот в «Спорных вопросах русского правописания» (1873) и В. И. Чернышев в работе «Из истории русского правописания» (1906).

При сопоставлении же «Опыта» В. П. Светова и его «Кратких правил к изучению языка российского с присовокуплением кратких правил российской поэзии» (СПб., 2-е изд. – 1795) были обнаружены изменения, касающиеся лишь стилистической маркировки отдельных форм, но не собственно орфографических установок, что свидетельствует не только о взвешенности и выверенности предлагаемых им правил, но и о том, что они были органичны для письменной практики XVIII столетия.

Самостоятельную позицию занимает В. П. Светов и относительно буквы *ѳ*, которую, по М. В. Ломоносову, «в азбуке наряду ставить не должно, однако употреблять в нужных случаях» [Ломоносов 1755: 43]. В «Опыте» же рекомендуется «буквы *ѳ*, произносимой как тонкое *о*, не писать ни в одном российском речении, а употреблять *е*, на пр., *пріемъ, ежь, Петръ, овесъ, елка*, вм. *пріюмъ, іожь,*

Пиотръ, овіось, іолка» [Светов 1787: 13]. Избыточной для русской азбуки Светов, вслед за Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым, считает и букву э: «вновь вымышленное, или справедливее сказать, старое е на другую сторону обороченное, не писать: *эклога, экстрактъ, экспедиція* вм. *еклога, екстрактъ, експедиція*» [Там же: 14]. В. П. Светов отметил в связи с этим, что существующие «грамматики российские не могут по сие время согласиться и положить определенного числа букв» [Светов 1795: 10].

Более детальный характер, чем у М. В. Ломоносова, носит параграф об употреблении буквы *ѣ* (*ять*). В ломоносовской грамматике приводятся следующие формы, требующие *ѣ*: окончания дательного падежа существительных 1-го склонения и предложного падежа существительных 1-го и 2-го склонения (кроме слов на *-іе*) в единственном числе, глаголов I спряжения (*славѣ, милостынѣ, о городѣ, о словѣ, о солнцѣ, о злодѣѣ, о якорѣ, потѣю, потѣль, потѣй, потѣть*). Для остальных случаев отмечается, что «никаких правил показать нельзя» [Ломоносов 1755: 53]. В. П. Светов добавляет к этим грамматическим ориентирам и свои глубокие наблюдения: «превосходительные степени на *шій... славнѣйшій, ученѣйшій, свѣтлѣйшій*»; «в начале слов *ѣ* не употребляется, кроме: *ѣмъ, ѣду* и их производных»; «несколько пособить можно сему еще примечая, что после *з* [кроме *зѣль*, род птиц, нескл.], *ж, к, ф, х* (выключая самую сию букву в именовании) *ч, ш, щ, ѳ* в середине речения *ѣ* нигде не писать» [Светов 1787: 11]. В «Кратких правилах к изучению языка российского» он уточнит, что все трудности с различием на письмо *е* и *ѣ* связаны с тем, что «обе они одинаковый у нас имеют выговор» [Светов 1795: 14].

Значительно была распространена и краткая заметка М. В. Ломоносова об употреблении прописных букв. Так, в его грамматике находим такую формулировку: «Точка заключает целый период, и ей обыкновенно следует прописная буква, которою также имена почтенныя и собственные начинаются» [Ломоносов 1755:

60]. В. П. Светов, во-первых, иллюстрирует это правило примерами, включая в них не только упомянутые М. В. Ломоносовым категории имен и титулов, но и наименования географических объектов: *Сіятельный Графъ, Превосходительство, Александръ, Римъ, Москва, Нева*. Во-вторых, он отмечает, что прописная также может идти после вопросительного и восклицательного («удивительного») знаков, а в стихах с прописной начинается каждая строка; в-третьих, «имя Бога, ежели оно значит истинного, и его предикаты... *Всемогуцій, Всевышній, Творецъ...*» [Светов 1787: 16]. Он отмечает и такую характерную особенность правописания того времени, как прописные буквы в заимствованных словах (*Алгебра, Астрономія, Географія, Математика, Кафедра*): «сие... большая часть российских писателей приемлют и тщательно наблюдают, хотя и не имея довольных тому причин» [Там же: 16]. Обилие заглавных букв было, например, характерной чертой правописания Н. М. Карамзина. В. П. Светов, «почитая за бесполезное спорить о таких мелочах», соглашается «принять за правило» эту не совсем оправданную традицию [Там же]. Отметим, что известным противником такого излишества прописных букв в начале слова был А. П. Сумароков: «Сие пестрит письма наши... кроме безобразия ничего нет», «Мы большими литерами все страницы излишно шпикуем... величию литер и немцев перещеголяли» [Сумароков 1782: 47, 37].

В. П. Светов приводит целый ряд погрешностей в языковой и орфографической практике второй половины XVIII в.:

1) «*Они, онѣ; обоихъ, обѣихъ* хотя и пишется у многих одного вместо другого безо всякого различия, однако самым делом в родах есть великая разность; ибо *обоихъ* мужского... *онѣ, однѣ обѣихъ* женского рода» [Там же: 20];

2) «Предлоги... от имен отделяются. Посему несправедливо пишут: *за-городом, во-сто кратъ, во-Тверь, по-берегу* и другие. Единатного знаку ставить нигде не должно, как при конце строки для соединения речений» [Там же: 25]; «От неправаго разделения или слияния предло-

гов хотя смысл писателя и не затмевается (ибо так многие пишут, и что пишут разуметь можно), но по примеру просвещенных народов должно и в российском письме наблюдать, где они сливаются и разделяются» [Там же: 18].

3) В подражание простому выговору многие неправильно вставляют в слова лишние буквы (*струбъ, притчина, страмъ, ндравъ, руковятка, убивство, протчій*), не учитывая при этом «из каких частей оныя слова составлены, и как простые они пишутся, ибо *срубъ* от *срубаю*, *причина* от *причиняю*, *срамъ* сокращенно от *соромъ, руковятка* от *руки* и глагола *емлю, убійство* от *бію* происходят» [Там же: 17]. Позже именно эти ошибочные с точки зрения морфологического начала написания вновь будет анализировать А. Барсов, автор «Российской грамматики»;

4) *Первый, церковь, твердить* «лучше без *ь*», так как «буква *ь* не так часто в середине... изображается» [Там же: 20];

5) «Уменьшительные *маленькой, коротенькой, добренькой* и другие пишутся несправедливо через *и*: *малинькой, коротинькой, добринькой*; ибо по усечении окончания *ой* будет *маленекъ, коротенекъ, добренекъ*» [Там же: 24];

6) «...не право пишется *ключь, товарищъ, врачъ*; ибо в родительном не *ключа, товарища* и не *врача*. Надобно писать: *ключа, товарища, врача*, в родительном *ключа, товарища, врача* и так другие» [Там же: 22–23].

7) «Имена на *іе* кончащиеся во множественном именительном многие оканчивают несправедливо на *и* и пишут *имѣнїи, наши сочиненїи*, также в родительном: *имѣнїевъ, сочиненїевъ, затмѣнїевъ*, вм. *имѣнїя, наши сочиненїя* в именительном, вместо *имѣнїи, сочиненїи, затмѣнїи* в родительном» [Там же: 21–22].

Верными оказываются орфографические рекомендации Светова и для таких слов, как *французскїй, шведскїй, датскїй* (без *ц*); *флотъ* (без *тт*), *офицеръ* (без *фф*), *избирать, возвысить, растерзанный, расщипать; объемлетъ; розыскъ, подымать* (а не *розыскъ, подымать*), *двадцать* (а не *дватцать*); *отдаю, пред-*

принимаю (а не *отъ даю, предъ принимаю*). Светов предлагает также слитное написание *внутри, вдоль, вкось, вдругъ, никто, никогда, неприятный, несказанно* и раздельное написание *сверхъ того, ни одинъ, какъ бы то ни было, однако же; временищкь, именный* (а не *временищикъ, имянный*); *освящаю, посвящаю* (от *святый*), *будто* (а не *будьто* или *бутто*) и т. д.

Конечно же, были у В. П. Светова и рекомендации, которые орфографическая практика второй половины XVIII и XIX в. не приняла, например написание некоторых заимствованных слов в соответствии с их произношением в языке-источнике: *Димократія, Академія, комита, планита* («η греческое должно произносить как российское *и*»), *юль* (*июль*), *юнь* (*июнь*), *Венецейскїй*, однако подчеркнем, что их все же не много. «Опыт» В. П. Светова «был таким выдающимся явлением» для отечественной литературы, что он не мог остаться без внимания А. П. Сумарокова, считавшего «вопрос о правописании чрезвычайно важным» и потому деятельно участвовавшего «в его разработке и в полемике» [Сухомлинов 1878: 313]. Была еще одна причина внимания А. П. Сумарокова к работе В. П. Светова: автором «Опыта» понятие «о русской грамматике вообще отождествляется с ненавистною для Сумарокова грамматикою Ломоносова... с мыслью об авторитете Ломоносова никак не мог помириться неуступчивый Сумароков, и заметки его о книге Светова в сущности устремлены против Ломоносова» [Там же].

Возражения А. П. Сумарокова вызвало, само название работы В. П. Светова – «Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики, и на лучших примерах российских писателей». Он пишет: «Нового правописания у россиян никогда не бывало, так именована некая книжка, против которой я теперь пишу... Грамматика г. Ломоносова никаким ученым собранием не утверждена... вошло в нее множество порчи языка... а сие многие хотящие быти писателями приемлют за правило, не спрашивая больше доказательства кроме

того, что так написано в грамматике» [Сумароков 1782: 40]. Колкое замечание в адрес автора «Опыта» делается, например, и по поводу высказывания о том, что «русские буквы разделяются на самогласные... и согласные» [Светов 1787: 9]: «Не российские буквы, но всякие буквы разделяются на самогласные и безгласные» [Сумароков 1782: 41]. Отметим, что все же большинство таких возражений оказываются эмоциональными, а не содержательными: «Сумароков, разбирая его книжку, справедливо одобряет многие его мнения» [Грот 1899: 647].

Во-первых, и Светов, и Сумароков выступают как сторонники морфологического начала в правописании, во-вторых, их объединяет понимание необходимости установления единой орфографической нормы, они осуждают употребление в иностранных словах *i* вместо *и* (*история*, а не *історія*), предлагают утвердить окончание *я* у прилагательных всех родов во множественном числе (*военныя корабли, крѣпкія снасти, таинственныя изображенія*, ср. у Ломоносова: *крѣпкія снасти, таинственныя изображенія*, но *военныя корабли*); оба автора пишут *ножь, мячь* (м.р.) и *ложь, вещь* (ж.р.). Много общего оказывается у них и в вопросе о «лишних буквах»: оставляют *ять, фиту* (только у заимствований из греческого), *щ* и изгоняют из азбуки *э* и *ѳ*. Совпадает и их мнение о правильности написания *январь* вместо широко тогда распространенного *генварь*.

Русская орфография предстает и у А. П. Сумарокова, и у В. П. Светова как социально обусловленное явление. Так, оба критикуют манеру письма подъячих, которые «по худым примерам... пишут безрассудно» [Светов 1787: 9], например, «желая и устремляясь быть еще грамотнее других людей и поставляя слово *январь* не довольно осанистым, вдули в него *з*» [Сумароков 1782: 32].

После смерти В. П. Светова все его материалы по решению комиссии о народных училищах были переданы для работы А. А. Барсову. К сожалению, «признанный продолжить начатое Световым, Барсов не щадит своего предшественни-

ка, отнимая у его труда всякое значение» [Сухомлинов 1878: 249]. В одном из своих отзывов он пишет, что у В. П. Светова «есть и изъяснения недовольно точные, и исчисления или разделения не обстоятельные, и правила неполные или темные, или между собой противоречащие, или совсем ложные и употреблению лучших писателей и издателей противные» [Там же: 253]. Между тем при сопоставлении орфографических рекомендаций В. П. Светова и А. А. Барсова нередко обнаруживается их совпадение и в содержании, и в формулировке, и даже в иллюстративном материале. Это касается, например, групп приставок, пишущихся по фонетическому и морфологическому принципам; слитного и раздельного написания приставок и предлогов; критериев идентификации наречных сочетаний и их написаний (с совпадением приводимых списков наречий); правописания *не* с глаголами и прилагательными; запрета написания гласных *ы, ю, я* после *з, ж, х, к, ч, ш, щ* и т.д. Наверное, в отзывах А. А. Барсова слышится «обычная в XVIII столетии неприязнь между писателями, избравшими одинаковые предметы для своих занятий» [Там же: 249]. К тому же, как с сожалением заметил Я. К. Грот, спорные вопросы орфографии далеко «не всегда обсуживались хладнокровно» и объективно [Грот 1899: 652].

Несмотря на резкую критику А. П. Сумарокова и А. А. Барсова, труд В. П. Светова был по достоинству оценен последующей эпохой. Академия наук, «предпринимая составить непременные правила правописания, положила в основу своего труда грамматику М. В. Ломоносова и опыт о правописании Светова» [Сухомлинов 1878: 307]. Его идеи не только утверждали Ломоносовский путь в правописании, но и оказались во многом созвучны орфографическим разысканиям следующего, XIX века¹.

¹ Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам Вологодской областной универсальной научной библиотеки и Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ за неоценимую помощь в подготовке материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсов А. А. Российская грамматика / Под ред. Б. А. Успенского. – М., 1981.
- Винокур Г. О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
- Григорьева Т. М. Русское письмо: от реформы графики к реформе орфографии. – Красноярск, 1996.
- Грот Я. К. Филологические разыскания (1852–1892). – СПб., 1899. – Т. II.
- Курганов Н. Письмовник. – СПб., 1793. – Ч. 1.
- Ломоносов М. В. Российская грамматика. – СПб., 1755.
- Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XIX вв.). – М., 1965.
- Светов В. П. Опыт нового русского правописания, утвержденный на правилах русской грамматики и на лучших примерах русских писателей. – СПб., 1787.
- Светов В. П. Краткие правила к изучению языка русского с присовокуплением кратких правил русской поэзии. – СПб., 1795.
- Сумароков А. П. О правописании // Сумароков А. П. Полное собрание сочинений в стихах и прозе. – М., 1782. – Ч. X.
- Сухомлинов М. И. История русской академии. – СПб., 1878. – Вып. 4.

ХРОНИКА

«Создание условий для функционирования русского языка как средства межнационального общения народов Российской Федерации»

В декабре 2013 г. заканчиваются работы по трехлетнему проекту Министерства образования и науки РФ «Разработка, апробация и реализация программ повышения квалификации специалистов и преподавателей по вопросам преподавания русского языка как неродного в образовательных учреждениях разных типов и видов», отвечающего задаче «Создание условий для функционирования русского языка как средства межнационального общения народов Российской Федерации» Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 годы (см. об этом: Нестеров Д. М. Русский язык как средство интеграции народов и культур России // РЯШ. – 2012. – № 2. – С. 91–94).

В 2013 году компания «ЛИМА-Консалтинг» продолжила мониторинг существующей ситуации в преподавании русского языка как неродного в среде учителей русского языка; актуальные запросы и потребности представителей современной молодежи, изучавшей русский язык как неродной; текущее состояние организации образовательного процесса по изучению русского языка как неродного со стороны руководителей органов управления образованием в субъектах Российской Федерации. Мониторинг проводился с помощью разработанной программы по определенным критериям. В ходе мониторинга сформированы базы данных по опрашиваемым субъектам РФ, уточнен план-график работ, выявлены возникающие проблемы и противоречия. По результатам мониторинга проводился анализ данных и обработка результатов социологических исследований 2013 г., также был подготовлен итоговый аналитический доклад о работе в 2011–2013 гг., предназначенный для федеральных и региональных органов исполнительной власти в сфере образования.

Российский новый университет занимался организацией повышения квалификации преподавателей образовательных учреждений разных типов по вопросам преподавания русского языка как неродного. В Москве на базе ИПК РосНОУ был также проведен семинар, посвященный внедрению ПК в практику работы учителей, усовершенствованию очно-дистантной и дистанционной формы, а также анализировались некоторые итоги тьюторской работы.